Научная статья

УДК 821.161.1:801.6

ББК 83.3(2=Рус)

М 77

DOI: 10.53598/2410-3489-2021-3-282-120-128

**Нарративные стратегии в поэтике
художественной прозы Я.В. Абрамова**
(Рецензирована)

Александр Александрович Монахов

*Северо-Кавказский Федеральный университет, Ставрополь, Россия,
alexandr.monahov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-90310799x>*

Аннотация.

Статья посвящена изучению нарративных стратегий и функций в художественном воплощении авторского сознания в произведениях выдающегося русского публициста, философа и прозаика Я.В. Абрамова. Ее целью является анализ подхода автора к объективированию субъекта, в результате которого достигается особое дискурсивное соотношение «автор-герой-читатель». Этой сложной повествовательной оптикой писателя обеспечивается корреляция субъектных уровней автора и первичного носителя речи (повествователя). Синтез нарративных технологий, событийность в произведениях как интеракция адресата и адресанта, следование принципу «герой как ценностный центр произведения» обеспечивают реализацию «эстетического намерения» автора (В. Шмид), в художественном мире произведений которого читатель формирует ценностный взгляд на природу и сущность человека, а также на себя самого.

Ключевые слова:

Яков Васильевич Абрамов, автор, нарратив, нарративные стратегии, повествователь, читатель, нарративная коммуникация, субъект речи, народничество.

Примечание: Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ научного проекта № 20-312-90012\20 «Научно-просветительский центр изучения наследия Я.В. Абрамова».

Original Research Paper

**Narrative strategies in the poetics of fiction prose by
Ya.V. Abramov**

Alexandr A. Monakhov

*North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
alexandr.monahov@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0001-90310799x>*

Abstract.

The paper is devoted to the study of narrative strategies and functions in the artistic embodiment of the author's consciousness in the works of the outstanding Russian publicist, philosopher and prose writer Ya.V. Abramov. Its purpose is to

analyze the author's approach to objectifying the subject, as a result of which a special discursive relationship "author-hero-reader" is achieved. This complex narrative optics of the writer provides a correlation between the subjective levels of the author and the primary carrier of speech (narrator). The synthesis of narrative technologies, eventfulness in works as an interaction between the addressee and the addressant, adherence to the principle of "the hero as the value In the artistic world of author's works the reader forms a value view of the nature and essence of man and himself.

Keywords:

Yakov Vasilievich Abramov, author, narrative, narrative strategies, narrator, reader, narrative communication, subject of speech, populism.

Note: The publication was prepared with the financial support of RFFI, 20-312-90012\20 "Scientific and Educational Center for the Study of the Heritage of Y.V. Abramov".

Введение.

Современная литературоведческая наука всегда стремилась интерпретировать и систематизировать авторские реализации художественного дискурса как законченной и универсальной эстетической системы в ее разнообразных художественно-исторических проявлениях. Автор и его художественное произведение неразрывно связаны с определенной эпохой, с конкретной исторической формацией, с обществом. В художественном мире писателя осуществляется взаимодействие временных планов автора, героя и читателя, «то есть нарративной и персональной точек зрения, что является одним из базовых принципов строения эпического произведения» [1: 156].

Различные нарративные концепции, от самых общих до весьма узких (как, например, поэтика персонализма) еще более повышают актуальность сказанного выше. Вклад в формирование нарративных концепций внесли такие ученые как Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, Б.В. Томашевский, В.Я. Пропп, М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, Б.А. Успенский.

Материалы и методы.

Методологической базой является нарратологические исследования отечественных и зарубежных нарратологов. В настоящей работе рассмотрена суть нарративного подхода с бахтинской точки зрения,

как исследование двуаспектности художественной событийности: «Перед нами два события – событие, о котором рассказано в произведении, и событие самого рассказывания (здесь читатель выступает как слушатель); события происходят в разное время и на разных местах, но в то же время они неразрывно объединены <...> в сложное событие, которое мы можем обозначить как произведение в его событийной полноте» [2: 403]. М.М. Бахтин изучил целый ряд положений, которые легли в теоретическую базу исследований отечественной нарратологии и теории романа.

Основой определения нарратива как сюжетно-повествовательного дискурса является теория компаративной нарратологии В.И. Тютю.

В основе изучения структуры нарративной стратегии, представленной в работе, лежат концепции зарубежных нарратологов: Р. Барта, Цв. Тодорова, А. Греймаса, Ж. Жеттета, Х. Уайта, К. Леви-Стросса.

Автор присутствует в создаваемом им художественном мире как структурно, так и нарративно, являясь создателем и повествователем. Коммуникативное единство художественного текста включает в себя не только нарративную взаимосвязь автора и героя, но и позиции нарратора – взаимосвязь языковых картин мира автора и читателя.

Эта взаимосвязь представляет собой внутреннюю ткань художественного дискурса, при которой обнаруживаются такие внутренние тематические и коммуникативные единства, как автор – герой, герой – читатель, читатель – мир (интерьер) художественного произведения и т. д. Все это происходит на уровне виртуального взаимодействия авторского и читательского сознаний. Теоретические исследования, посвященные этим явлениям, широко представлены в философских сочинениях М. М. Бахтина, М. Хайдеггера, в филологических трудах В. В. Виноградова, Ю. М. Лотмана, Б. О. Кормана, который, в частности, детально рассматривал нарративную сторону выражения авторского сознания. Он утверждал, что автор – это «особый взгляд на действительность, выражением которого является произведение» [1: 9]. В данном случае речь идет об особой эстетической реальности, которая так же объективна, как и сама жизнь [3: 202]. Методология новой онтологии, выработавшей широкое понятие реальности, включает рассмотрение исторических, практических и теоретических аспектов, что позволяет комплексно охватывать проблематику, в которой пересекается синхрония и диахрония, образуя «проблемный узел» самосознания науки.

Литературный герой как предмет научного познания традиционно представляется как «ценностный центр», «конкретный предмет» эстетического видения автора [3: 301], а также своеобразная точка зрения автора-творца [4: 11]. Герой в произведении обладает субъектной потенцией в изображаемых действиях. В. Е. Хализев называет его «стимулом переходности событий, создающих сюжет» [4: 160]. В результате взаимопроникновения и соподчинения героя и автора реализуется акт художественного творчества – произведение.

Безусловно, автор не может «предвидеть» читателя, так как процесс истинного творчества направлен вовне, и то, что приходит извне, лишь влияет на картину мира художественного текста, но не определяет ее. Но при этом потенциальный читатель непрерывно существует в картине мира самого автора и в картине мира художественного текста. Образ читателя реализуется, по мнению В. Е. Хализева, в форме «подспудного присутствия в целостности произведения его воображаемого читателя» [4: 116]. Иными словами, образ читателя формирует «концепцию адресата», а автор-создатель в этом плане становится «адресантной постоянной». В современной литературоведческой науке образ читателя нередко интерпретируется как образ героя эстетической реальности автора, при этом присутствуют маркеры участия читателя в произведении, формы и способы коммуникации автора и читателя и т. д. [1].

Одной из главных проблем в связи с этим становится проблема соподчиненности текстовых реализаций автора, героя и читателя в единой системе нарратива и сюжета. Классическими исследованиями в этой области принято считать работы Ж. Женетта, В. Шмида. Рассматриваются эти вопросы и в исследованиях отечественных литературоведов – Н. Д. Тмарченко, Н. А. Кожевниковой, В. И. Тюпы, которые, в частности, обосновали многоуровневое аналитическое изучение литературных произведений, реализующее основные нарратологические принципы.

Нарратологический анализ, как разновидность дискурсивного, по сути, строится на изучении коммуникативного события, опредмеченного в дискурсе художественного текста с учетом участия в его когнитивной интерпретации читателя и его создателя. А. Д. Меерсоном была создана концепция поэтики персонализма, в соответствии с которой «автор присутствует в своем

тексте как его творец не только нарративно, но и структурно» [5: 9]. По его мнению, автор создает большое количество точек, так называемых микропроекции, выраженных в героях, авторе как субъекте речи, рассказчиках, что имплицитно формирует в языковом сознании читателя художественный мир произведения.

Целью данного исследования является анализ композиционно-речевой структуры произведений Я. В. Абрамова, а также рассмотрение категорий «автор – герой – читатель» в системном отношении, что позволяет определить герменевтический круг причинно-следственных связей структуры произведения с аксиологическими критериями художественного мира Я. В. Абрамова. Использование нарративного анализа позволяет выделить в текстах писателя формы объективирования субъекта автора и субъекта читателя в текстах, а с учетом идей Меерсона в области поэтики персонализма установить связь системы повествования с художественно-эстетическим миром автора, что подтверждает герменевтическое представление о циклической взаимосвязи и соприродности части и целого. Под художественно-эстетическим миром автора мы будем понимать созданную в художественных текстах предметность с ее ценностными эстетико-философскими маяками и художественной аксиологией [5].

Материалом для исследования стали произведения «Механик», «Бабушка-генеральша», «Мещанский мыслитель». Данные тексты выполнены в традициях жанра «физиологического очерка»: писатель создает синтетические формы, в которых эстетически активными становятся такие жанрообразующие средства, как локализация, публицистичность, документализм («правда факта») [6]. Данные произведения созданы на очерковой основе и обогащены жанровой проблематикой других литературных видов, что создаёт основу для жанрово-видового синтеза.

Повествовательные и коммуникативные стратегии характеризуют Я. В. Абрамова как писателя «рационалистического типа художественного мышления» [6], а также дают некоторую возможность заявить о своеобразном типе «ставропольского текста», выходящего за рамки региональной литературы.

В художественной прозе Абрамова выделяются особые формы манифестации субъекта автора, представляющего как персонифицированный рассказчик, который знакомит читателя с главными героями, а также оказывается не причастным к событиям очевидцем, не вмешивающимся в действие. Так в «Мещанском мыслителе» воссоздаётся персонифицированным рассказчиком сцена драки: он становится как бы «над» описываемыми событиями. Кроме этого, описание Григория Петровича персонифицированным рассказчиком реализует разные виды описания. Сравним два отрывка: 1) *Он исполнял обязанности лакея, горничной, дроворуба, водовоза, кучера, помощника кухарки и многие другие обязанности. При исполнении всех обязанностей от него требовалось аккуратность и умение сделать все как следует;* 2) *Здесь в первый раз представилась ему возможность объективно отнестись к людским страданиям, которые он доселе испытывал только субъективно, на собственной шкуре* [7]. В данных отрывках нарративные стратегии авторского сознания идут двумя путями – субъект автора имеет причастность к происходящим действиям, обрабатывая и дополняя описываемую реальность со своей особой точки зрения, а в других случаях смотрит на художественную реальность в произведении на более широком, обобщая детали в общую систему «правды жизни». В этом и заключается нарративная стратегия Абрамова – в особой репрезентации законов жизни, в которой проявляется позиция автора на социальную и бытовую действительность. Перед

нами нарратор, который одновременно присутствует в произведении и при этом находится «над» ним, создавая некий синтезированный тип нарратора – «всеобъемлющего нарратора».

Формой воплощения авторского сознания в текстах обычно является автобиографическое повествование. В работах Н.Д. Тамарченко авторское сознание рассматривается только в тех произведениях, в которых авторская личность является и темой, и предметом творческой рецепции, то есть той художественной действительности, которую невозможно отнести к конкретным героям или рассказчикам [8]. Автобиографическое или «автопсихологическое» начало ярко выражается в произведениях Я.В. Абрамова: *Я встретился с Зацепиным в первый раз у одного из своих бывших учителей, профессора духовной семинарии* [9]; *Наконец, судьба опять занесла меня в это село; Я познакомился с Григорием Петровичем совершенно случайно* [6]. Являясь, с одной стороны, творцом эстетической реальности текста, находясь вовне, автор одновременно присутствует в его пределах, тем самым становясь органической составляющей художественного текста. Авторская речь, мнения, комментарии, референции герменевтически связывают авторский художественный дискурс, картину мира художественного текста с картиной мира самого автора и читателя: *...Все, что он желал и к чему стремился, можно достигнуть только посредством образования, что только образованный человек может все понять, все объяснить и найти средства все исправить; ...выработка в себе выносливости – побуждала его (Григория Петровича) вести аскетичный образ жизни* [6]. В такой авторской речи реализуется установка на «совпадение» его позиций с мнением читателя, при этом авторские ремарки являются естественным элементом дискурсивной картины мира героев произведения.

«Всеобъемлющий нарратор» входит в круг других персонажей, то есть в тематический круг рассказывания. Данный тип «биографического» описания проявляет свою предикатную сторону и становится отправной точкой для развития сюжета в произведениях Я. В. Абрамова. При этом изображение ситуаций рассказывания социально окрашено, как, например, описание частной и общественной жизни Григория Петровича в «Мещанском мыслителе», или описание важных общественно-бытовых преобразований, которые сделала казачка Степанида для станицы Шалашной в произведении «Бабушка-генеральша» [10].

В этой связи можно проследить элементы взаимосвязи сознания героев и авторского сознания, в которых нарратор одновременно транслирует точки зрения – как свою, так и авторскую: *...Он был каким-то общим рабом, которого имела право посылать куда угодно и заливать всякого рода работой целая масса лиц; Да неужто везде жить так скверно, как у нас?* («Мещанский мыслитель»). Такое сопряжение субъектных позиций активизирует читательское восприятие, позволяя одновременно постичь две точки зрения – героя и автора-повествователя, а также все смысловые обогащения подобного наложения. Авторское сознание, таким образом, проявляется имплицитно, но легко вычленимо через субъектную организацию выражения сознания героев.

Передавая формы субъективированной оценки героям своих произведений, Абрамов создает множественность точек зрения, которые, безусловно, сходятся в систему «правды жизни», формируя художественный мир, в котором происходит «воплощение личностного становления “русского человека”, стремящегося объяснить взаимопроницаемость естественного, привычного, традиционного в национальном менталитете и «фантастического», «перевернутого» в нормах «нового

порядка» [6: 175]. Таким образом, сложная повествовательная оптика Абрамова обеспечивает целостную картину и достоверность текста: «Подход к изображаемому трансформировал поэтику литературных жанров: обращение к факту, источнику, к конкретным наблюдениям, к статистическим данным и т. д. вызывало перестройку систем художественного обобщения, придавало «мысли», а не образным отношениям структурообразующее значение, активизировало жанрообразовательные процессы на уровне родовых, видовых и метажанровых взаимодействиях» [6: 176].

Основными способами и факторами создания коммуникативной стратегии в художественном мире Я. В. Абрамова являются обращения к художественно-философским интертекстуальным связям: исследуемые тексты насыщены аллюзиями, отсылками и указаниями на другие литературные произведения (например, Зацепин в «Механике» читал издания известных московских специалистов по части «народных» изданий, Манухина и Лехушина... сочинения Дарвина и книгу Секи («Механик»)) [9]. В рассказе «Мещанский мыслитель» упоминается круг чтения Вострякова: *Востряков пережил сложную духовную эволюцию, начал с чтения произведений писателей-демократов 1860-х гг., выделив особо «Подлиповцев» Ф. М. Решетникова* [9].

Такая форма нарративной коммуникации позволяет апеллировать к общности читателя и автора на уровне общекультурных, когнитивных, социальных и философских компонентов, что увеличивает степень коммуникации внутри текста – автор, герой и читатель взаимодействуют друг с другом в одной плоскости текстуально-событийного нарратива.

В художественном пространстве произведений Я. В. Абрамова заметную роль играют внесубъектные средства выражения, направленные

на воссоздание особого социального типа, позволяющие выявить конфликт героев, «ищущих правды», с микросредой, с новыми общественными порядками. К внесубъектным формам выражения авторского сознания в текстах Я. В. Абрамова можно отнести сюжетно-композиционную структуру произведения и систему образов, в которых репрезентуется авторское высказывание, формирующее модель мироотношений в художественном тексте. Факторами сюжетно-композиционной организации в произведениях Я. В. Абрамова нередко выступает характерологическая доминанта изображаемых героев: *Его считали чудачком решительно все. Многие, впрочем, часто вместо слова “чудак” употребляли слово “дурак” («Механик»); ...Это яркий представитель целого типа, который... заслуживает самого серьезного внимания («Мещанский мыслитель»); Бабушка-генеральша представляла собой едва ли не единственный пример генеральши, получившей свой титул не по мужу, а, напротив, передавшей мужу титул генерала; Она и не требовала денег, если видела, что человеку не под силу возратить их. “Пусть поправляется, – говорит она обыкновенно, – зачем теснить человека? Надо по-божески...”*. <...> *И она терпеливо ждала, пока человек “справится” и будет в состоянии уплатить долг («Бабушка-генеральша»)* и т. д. – данная преамбулическая структура очерковых блоков объективирует авторскую интенцию, активизирует повествовательно-типизирующую функцию сюжета. Эта функция проявляется в указанном способе реализации нарративных стратегий, конкретизируется в задаче – через конкретные текстовые объекты (Бабушка-генеральша, Зацепин, Востряков) выразить авторское восприятие разнообразных аспектов жизненной и художественной реальности. Поскольку тип повествования выполняет важнейшую

жанроформирующую функцию, то данные элементы обладают важным качеством, поскольку решают задачу миромоделирования, репрезентируя, таким образом, одну из значимых особенностей художественного мира Я. В. Абрамова – жанрово-видовую диффузию. Отметим, что жанровые границы в художественных текстах Абрамова обычно подвижны и размыты.

В повествовательной системе произведений Абрамова прослеживаются композиционно выделяемые художественно-философские авторские отступления такого типа: *Старый строй жизни, основанный на принципах – “по божески”... уже разложился и заменялся таким диким, чему ни один из шалашниковских стариков не мог подобрать другого названия, кроме “денного грабежа” («Бабушка-генеральша»); ...Являлся ли он представителем целого типа людей, или представлял собою единичный случай, феномен, так сказать каприз природы?; Мир во зле лежит. Это – отрицательный принцип: все в мире скверно и заслуживает только одного – полного уничтожения («Механик»).* Этими нарративными функциями «авторского вторжения» Абрамов формирует отношения читателя к описываемой художественной действительности.

Результаты и заключение.

Авторское нарративное сознание в приведенных примерах, таким образом, наделяется исключительным правом философского обобщения, правом упорядочивать текстуальные связи. Системное введение в повествовательный текст некоей непричастности нарратора позволяет создать реалистичную мотивировку и лучше узнать мир объектов речи, устраняя при этом субъективное начало. Художественное обобщение Я.В. Абрамова приобретает формы социологической объективации и предстает как качество идиостиля писателя, отрицающего позитивистский натурализм в художественном

анализе пореформенной эпохи российской истории, «когда все... переверотилось и только укладывалось» (Л.Н. Толстой).

Вторая сторона «всеобъемлющего нарратора» раскрывается во включении в текст субъекта речи как персонажа. Важная особенность поэтики произведений Абрамова – вводная часть текстов, в которых обозначается субъективная форма авторского присутствия. В данных текстах время рассказывания и время совершения действия отдалены друг от друга временным интервалом, но при этом объект и субъект речи находятся в одной пространственно-временной плоскости, как, например, в Бабушке-генеральше («Это было давно...»), в «Мещанском мыслителе» (*Я познакомился с Григорием Петровичем совершенно случайно, Григорий Петрович оказался очень разговорчивым человеком*), в «Механике» (*Я встретился с Зацепиным в первый раз...; Я вам подробно передам всю его историю*). Данный прием указывает на авторскую концепцию единства существования в эстетической реальности произведений, в создаваемом автором художественном мире, который убеждает в реалистичности описываемого. Благодаря синтезу нарративных технологий достоверность в изображении жизни начинает обладать эстетическим качеством, что, безусловно, свойственно стилю Я. В. Абрамова. «Его эстетические принципы складывались в результате синтеза традиций «физиологизма» очерков «натуральной школы» и художественно-публицистических, художественно-аналитических форм произведений очеркового жанра...» [11], чем и обусловлено формирование особого типа субъекта речи.

Таким образом, синтез нарративных технологий, событийность в произведениях как интеракция адресанта и адресата, следование принципу «герой как ценностный центр произведения» приводит нас к мысли, что в художественном мире

Я. В. Абрамова читатель моделируется способным сформировать ценностный взгляд на природу и сущность человека, а также на себя самого. Способы реализации разных типов нарративной стратегии в произведениях Я. В. Абрамова подчиняются

творческой задаче репрезентации законов жизни, обновления жанровых и нарративных форм объективации позиции автора в оценке действительности с позиций демократизма, в свете идеалов «возведения человека в более высокий тип».

Примечания:

1. Жиличева Г.А. Нарративные стратегии в жанровой структуре романа (на материале русской 1920–1950-х гг.): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.08. Москва, 2015. 243 с.

2. Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса («Архиерей» А.П. Чехова). Приложение к серийному изданию «Литературный текст: проблемы и методы исследования». Тверь, 2001. 520 с.

3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Худож. лит., 1975. 407 с.

4. Хализев В.Е. Теория литературы: учеб. для вузов. 2-е изд. Москва: Высш. шк., 2000. 500 с.

5. Меерсон О.А. Персонализм как поэтика: литературный мир глазами его обитателей. Санкт-Петербург: Пушкинский дом, 2009. 432 с.

6. Головкин В.М. Яков Васильевич Абрамов: мировоззрение. Метод. Поэтика: учеб. пособие. Москва: Флинта, 2015. 430 с.

7. Абрамов Я.В. [Федосеевец]. Механик: рассказ // Устои. 1881. № 1. С. 49-77.

8. Тамарченко Н.Д. Поэтика Бахтина. Уроки «бахтинологии» // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. Москва, 1996. Т. 55, № 1. С. 3-16.

9. Опальные: русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. Т. 3 / под ред. В.А. Шаповалова, К.Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. 1104 с.

10. Абрамов Я.В. [Федосеевец]. Бабушка-генеральша // Отечественные записки. 1881. № 6. Отд. 1. С. 509-524.

11. Головкин В.М. Яков Абрамов: самоактуализация в художественном творчестве: монография. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2008. С. 350.

References:

1. Zhilicheva G.A. Narrative strategies in the genre structure of the novel (based on the material of the Russian prose of the 1920-1950s): Diss. for the Dr. of Philology degree: 10.01.08. Moscow, 2015. 243 pp.

2. Tyupa V.I. Narratology as analytics of narrative discourse ("The Bishop" by A.P. Chekhov). Supplement to the serial publication "Literary text: problems and research methods." Tver, 2001. 520 pp.

3. Bakhtin M.M. Forms of time and chronotope in a novel: essays on historical poetics // Bakhtin M.M. Questions of literature and aesthetics. M.: Khudozh. lit., 1975. 407 pp.

4. Khalizev V.E. Theory of literature: a textbook for higher schools. 2nd ed. M.: Vysshaya shkola, 2000. 500 pp.

5. Meerson O.A. Personalism as poetics: literary world through the eyes of its inhabitants. SPb.: Pushkinsky Dom, 2009. 432 pp.

6. Golovko V.M. Yakov Vasilievich Abramov: Worldview. Method. Poetics: a manual. M.: Flinta, 2015. 430 pp.

7. Abramov Ya.V. [Fedoseevets]. A mechanic: a story // Ustoi. 1881. No. 1. P. 49-77.

8. Tamarchenko N.D. Poetics of Bakhtin. The lessons of «bakhtinology» // Izv. RAS. Ser. of lit. and lang. Moscow. 1996. Vol. 55, No. 1. P. 3-16.

9. Disgraced: Russian writers discover the Caucasus. Anthology: in 3 volumes. Vol. 3 / ed. by V.A. Shapovalova, K.E. Stein. Stavropol: SSU Publishing House, 2011. 1104 pp.

10. Abramov Ya.V. [Fedoseevets]. Grandmother-General's wife // Otechestvennye zapiski. 1881. No. 6. Dept. 1. P. 509-524.

11. Golovko V.M. Yakov Abramov: Self-actualization in art: a monograph. Stavropol: SSU Publishing House, 2008. P. 350.

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; одобрена после рецензирования 16.09.2021; принята к публикации 23.09.2021.

The paper was submitted 24.08.2021; approved after reviewing 16.09.2021; accepted for publication 23.09.2021.

© А.А. Монахов, 2021